

Служба

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Отъ Содержателя Типографіи
К. Крайя.

Симъ свидѣтельствую что *Книжка* подлѣ названіемъ:

Книжка. Свидѣтельство. Шутливый

по силѣ § 37 Устава о Ценсурѣ съ прилагаемъ *сво* при-
томъ одобреніи *сво* въ Ценсурѣ *руководителемъ ценсуръ*.
во всемъ сходно.

К. Крайя

С. Петербургъ

28 -го дня *Августа*

1837. года.

№ 538. 28 сент. 1837.

МОИ ПЕНАТЫ.

Е. I. 4045

Стихотворенія Пустельгина.

Всѣхъ вещей
оцѣнокъ

8875

Куды конь съ копытомъ мчится,
Туды и ракъ съ клешней тащитса.
(Русская поговорка.)

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙ
1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлены
были въ Ценсурный Комишешъ узаконенное число
Экземплярровъ.

С. Иешербургъ, 7го Апрелья 1837 года.

Ценсоръ С. Курторга.

НИЩІЙ.

Лен. Гос.
1921
12

СП6ГУ

Весь доль Печора огибаетъ,
Шумишь въ высокихъ берегахъ,
Въ своихъ серебрянныхъ спруяхъ,
Кладбище съ церковью отражаетъ.
Ужъ колоколъ мирныхъ поселянъ
Къ молитвѣ упрепнѣй сзываетъ,
Чуть вѣетъ вѣтеръ ошъ полянъ,
На небѣ только лишь свѣщаетъ;
Изъ вешхой хижины, разваливъ,
Къ кладбищу выбитой пропой
Спарикъ бредетъ, утрюмъ, печаленъ,
Съ своею вѣрною клюкой;
Онъ пляжки вздохи испускаетъ,
Идетъ съ подругою поской,

И слезь дошоки упадають,
Съ ланиць горячею струей.
Къ кладбищу онъ добрель насилу,
Слезею ландышь онъ смочилъ ;
Надъ бѣдной сирою могилой
Цвѣшокъ головку приклонилъ :
Тамъ въ ландышь искаль прискорбный,
Отраду для души своей,
Лишь камень, крестъ одинъ надгробный
Звукъ слышали его рѣчей :
— »Спокойно спить моя родная,
Да вопль швой прахъ невозмушишь :
Бышь можешь скоро и сыра
Земля, мой снопъ шумъ заглушитъ.
О! крестъ ся, мой другъ печальной,
Услыши сердца тяжкій снопъ,
Бышь можешь взоръ мой ужъ прощальной,
Здѣсь будетъ скоро схоронень ;
Бышь можешь я, и въ часъ послѣдній

Къ шебѣ, къ могилѣ неприду,
За то ужъ подѣ твоею сѣнью,
Навѣки здѣсь мой другъ усну.
Заглохнешь дикою справою,
Тропинка къ дочери моей;
Никпо ужъ упренней порою,
Слезинки непрольешь надъ ней.
Закроешь дикая крапива,
Могильный ландышъ нашъ цвѣпокъ,
Ветвистая засохнешь ива,
Почезнешь рѣзвый мотылекъ.
Пускай креста надъ ней nebudeшь,
И камень въ землю зароснешь
Къ чему? мѣня уже nebudeшь!
Никпо, къ могилѣ непридешь,
Тогда мой гробъ земля засыплешь,
Въ объяшья хладныя сожмешь;
На ивахъ сторожъ воронъ вскрикнешь,
Поминокъ буря отпоешь.

Ужь годъ проходилъ одинокой;
Все бродилъ спарець по гробамъ.
Ничто: ни мгла, шуманъ глубокой,
Ни вихрь, ни буря по полякъ,
Ни призракъ шѣни по кладбищу,
Никто его неужасаль
И для души своей онъ пищу
Въ могилъ дочери искаль.

Когда луны сіяли роги,
Съ кладбища, позднею порой
Черезъ лѣсъ проселочной дорогой,
Чуть брель спарикъ съ своей клюкой
Къ избушкѣ. Мирный уломокъ,
Его опъ спужи охраняль
И тихо, жалобно свѣрчокъ,
Въ тиши ночной въ избѣ кричалъ.
И въ эту ночь, едва спарикъ
Дышалъ; и сердце замирало,

Чуть свѣтъ лампада изливала,
На спрашный, блѣдный его ликъ
Онъ въ сердцѣ съ чувствомъ сокрушеннымъ,
Предъ нимъ священникъ со крестомъ
И съ панихисомъ душъ священнымъ;
И предъ духовнымъ онъ опцемъ
Вопъ исповѣдъ души спраданья,
Со вздохомъ тяжкимъ такъ началъ:
— «Опецъ! на Бога упованье,
Всѣ скорби въ свѣтъ я узналъ,
Въ опца я былъ лишь сынъ единственный,
Оспраду онъ во мнѣ питалъ,
Въ душѣ сіялъ лучемъ святыни,
Къ добру меня онъ приучалъ.
Спраситъ бурная во мнѣ кипѣла,
Была унѣхою оспрадъ,
Душей моею овладѣла.
Я ждалъ богатства и награды —
Опъ яда умеръ мой родитель.

Тогда я бросилъ опчій домъ:
Моли, проси, пы мой спасишель,
Проси Творца предъ алпаремъ;
За мной вослѣдь, вездѣ бѣжала
Его ужасна блѣдна шѣнь,
Очей моихъ неоспаваляла,
Она ни ночь, ни даже день.
Я шель порочною спезею,
Кипѣла спрасть во мнѣ и кровь;
Тогда распался я съ шпоскою,
Когда позналъ что есть любовь,
И обольстиль младую дѣву,
Она чиста была душей,
Купилъ я золотиомъ всю нѣту
И чтоожь? минутию одной.
Чрезъ годъ при мнѣ она скончалась
На родинѣ, въ осенню ночь,
И мнѣ въ залогъ ея осмалась,
Невинный лишь младенецъ дочь.

Съ своею родиною разстался,
И я ужъ съ тѣхъ ужасныхъ поръ:
Въ чужихъ вездѣ мѣстахъ скипался,
Средь мрачныхъ скалъ, угрюмыхъ горъ;
Другимъ была любви отрада,
А мнѣ? недолженъ я ропшанъ:
Сума, шоска, была награда
Я долженъ дочь свою припашъ
Мирскимъ изъ оконъ подаюшемъ,
И то не всякой дать голповъ
Грѣховъ достойно возданье.
Лишь ночь, да лѣсъ, мой быль покровъ.
Десяпал весна промчалась,
Ужъ другомъ дочь моя была;
Злой рокъ постигъ, она скончалась,
Съ собою радость унесла.
Съ тѣхъ поръ въ кладбище я скипался,
Молилъ Творца предъ алтаремъ,
Въ душѣ надеждой унѣшался

Моимъ карающимъ крестомъ.

Я вижу . . . Спаса свяшой ликъ,

Опець . . . подай . . . мнѣ пляжко спало;

Я слышу дочери призывный гласъ.»

И смерть предъ нимъ уже предспала,

Пробилъ его послѣдній часъ.

ИЗГНАНИКЪТ.

СЛОВО

СП6ГУ

Изь - за облакъ мелкаеть чухъ мѣсяць
злапой,

Глядишя въ шумящя волны рѣки;
Синѣюшя горы въ шуманной дали,
Сотбенныя скалы надъ шумной рѣкой
Въ пучинахъ глядишя пѣнящихся водъ.
Волнами Ирпышъ ихъ такъ и хочеть разбишь,
Напрасно такъ пѣнишя, рвешя, шумишь.
Усыанъ звѣздами лазуревой сводъ.
И слышно какъ сосны качался шумяшь,
Полночныя совы, на ивахъ сидяшь;
И слышно какъ по лѣсу вихоръ свислишь,

На голомъ утесѣ Изгнанникъ спойшь,
Спойшь на утесѣ ночью порой,
И думы ввѣряешь онъ спруйкамъ рѣки,
Блѣдны ланины, онъ лютой шоски,
И взоръ опуманенъ горючей слезой.
О дняхъ онъ счастливыхъ въ раздумьи мечтаетъ
Мечпою пуда мчится гдѣ Лора живетъ;
Какъ тихо сребрился зеркало шамъ водъ,
Какъ ярко шамъ мѣсяцъ на небѣ сіяетъ.
Вотъ воронъ песенъ поляной широкой,
Онъ съ пира кроваваго во мракъ глубокомъ,
Все ближе, и ближе злой воронъ къ скалѣ,
Къ нему обратился Изгнанникъ во мглѣ:
— «О! воронъ поварицъ пусынный пы мой,
Лепи пы въ край милый, къ моей дорогой
Скажи что я вѣренъ, какъ вѣренъ я былъ.»
Тогда воронъ каркнулъ, исчезъ за горой,
Тамъ волны шумѣли, вдругъ вихоръ завылъ,
— «О! вихоръ, пы вихоръ, лепи пы спрѣлой,

Въ тѣхъ краяхъ прелесетна гдѣ Лора живеть,
Удой, ускори, шы свой быспрой полешъ,
Прямчи мою Лору младую съ собой.»

Онъ смолкнулъ, спойшь и поминися поской
И очи въ слезахъ надъ шумной водой;

Идешь въ лѣсъ дремучій къ пещерѣ своей,
Вихрь буйный помчался по лѣсу сильнѣй.

Вдругъ видишь Изгнанникъ, какъ будто плы-
вешь

Въ Ирпышскихъ волнахъ съ возлюбленной
челнѣ,

Невидно вдругъ челна опъ ярспныхъ волнѣ,

Покрылся шуманомъ и пучами сводѣ,

Ужъ близко опъ берега съ дѣвой челнокѣ,

Все мигомъ исчезло, и спашъ одинокѣ

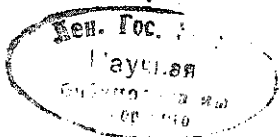
И снова Изгнанникъ оспался съ поской,

Вдругъ видишь, что борется дѣва съ волной,

Онъ бросился въ рѣку чпобъ Лору спашень,

И волны сребристы сильнѣе шумящъ,

8875

И воронъ зловѣщій во мракѣ лепашеть,
Изгнанника вихорь съ грозой опитъваетъ.

Никто въ чащѣ темныхъ небродитъ лѣсовъ,
Гдѣ юноша бѣдный влачилъ десятишь лѣтъ,
Тамъ часно сіяетъ лучей помный свѣтъ,
Сидитъ на скалахъ спая мрачная совѣ.
Какъ мѣсяцъ изъ облаковъ въ рѣку глядитъ,
На скалахъ тѣнь мрачная часно спойтъ,
Спойтъ на скалахъ и надъ шумной водой;
И бросается въ рѣку за ярой волной.

ЧЕРКЕСЬ.

Служба

СП6ГУ

Д,вурога свѣспитъ на небѣ луна,
Пещера за оврагомъ въ утесѣ видна,
Споишь въ поій пещерѣ опважный Черкесъ;
Онъ буйспвомъ живеть, подѣ кровлей небесъ
Съ нимъ бурка и шашка, колчанъ со спрьмой
Книжалъ изъ-за пояса видень спальной;
Сверкають его очи какъ будпо огонь
Предъ нимъ его вѣрный съ уздечкою конь.
Онъ быспро вскочнулъ и помчался съ конемъ,
Опвага и буйспво въ Черкесѣ младомъ.
Волпъ конь по оврагамъ въ утесахъ несеться

Спужь слышенъ подковъ , и лишь пыль поль-
ко вьспя .

Вопъ скрыся въ оврагъ наѣздникъ лихой ;

Ночною ѣдепъ шамъ кпо-по порой .

Въ горахъ вдругъ раздался выспрѣла гуль ,

Съ добычей помчался наѣздникъ въ ауль .

ПЛЪНИКЪ

СПОБЪ

СП6ГУ

На черномъ сумракъ небесъ,
Плывешь во тмѣ луна златая,
Лучемъ своимъ осеребря
Цѣпь горъ, поля, далекій лѣсъ;
Шумить вдали высокой боръ,
И Терекъ пѣною сверкаетъ,
И почешъ скалы воздымаешъ
Вершины снѣжны, дикихъ горъ,
И эхо впорхнуло въ горахъ
Шумящъ со скалъ шамъ водопады,
И видно въ темныхъ облакахъ
Казбека дикаго громады
Все тихо шамъ во тмѣ ночной,

Лишь слышенъ шумъ волны глухой,
И звѣзды яркія мерцающія
Горятъ въ высокіхъ небесахъ,
Ныряя въ темныхъ облакахъ.
Наводишь свѣтъ луна златая :
На груди скалъ въ утесъ высокой,
Гдѣ Плънникъ думы повѣрять
И сердце горемъ уполять,
И мнилъ въ своей судьбѣ жестокой
Объ той спранѣ гдѣ все милѣй,
Гдѣ дни опрадно шли за днями,
И Плънникъ призрака блѣднѣй
Стоишь надъ шумными волнами,
Въ заржавленныхъ въ крови цѣляхъ.
Не пляжки цѣли, пляжка мука,
Бышь розно съ милой; живишь въ горахъ
И мысль, что вѣчная разлука
Снедала сердце и въ глуши
Незналъ опрады, утешенья,

И часто онъ въ ночной тиши
Бродилъ одинъ въ уединеннѣ,
И мысли скаламъ повѣрлялъ,
И вопль спрадальца заглушалъ,
Унылой шумъ и плескъ рѣки;
То вдругъ онъ видитъ что вдали,
Что призракъ дѣвы надлепашъ,
Манишь его своей рукой —
Спѣшишь обнять онъ исчезаетъ.
И чтожь? съ своею онъ поской
Оспался снова одинокой,
И тихо Пявникъ прошепталъ:
— «Не бышь ужъ мнѣ, въ странѣ далекой!»
И взоромъ помнѣмъ указалъ,
Гдѣ былъ его родимый край,
Гдѣ онъ въ Арменіи счастливой
Обрѣлъ любовь, опраду, рай
Своей души, со дѣвой милой;
Но все прошло какъ будто сонъ,

Одно печали воспоминае
Блуждаешь въ сердце; снова онъ
Не зришь въ надеждѣ упованья:
Чтобъ быть въ объятіяхъ драгой,
Чтобъ видить снова край родной.

Бывало Плъникъ одинокой,
Глядишь съ вершинъ горы высокой,
Какъ вихрь въ скалахъ шумишь лепучій,
Какъ надъ главою грохочешь громъ —
Гдѣ молніа блещишь подъ тучей:
Тамъ жипель скалъ, орель съ орломъ,
Надъ Плъникомъ перекликался
Гдѣ грохнешъ громъ и дождь рѣкой
Упешъ низринешъ подъ скалой
И Плъникъ тамъ въ ночи скишался,
Судьбой на вѣки опдаленный,
Какой по грустью опягченный,
Съ громадъ, глухихъ, съдыхъ вершинъ

Главу свою склонивъ на грудь
Тамъ Пльнникъ съ высоты одинъ,
Глядѣль межъ горъ на дальній пунь,
О родинѣ свяшой мечпаль.

— «О, милый край! о, край родной!
Ещебы разъ я увидалъ
Тебя, съ моею дорогой.
Бывало какъ заря сгораешъ,
И я бѣгу въ лѣсокъ завѣшнй,
Она давно ужъ дожидаетъ,
И взоръ ея всегда привѣшнй,
И очи свѣшмыя какъ день.
Подобно небу голубыя,
Спруились съ плечъ власы густыя,
Какъ будно мрачной ночи тѣнь
Чпо прошло не возвратишя,
Скипашъ въ дѣбряхъ, въ споронѣ,
Гдѣ все угрюмо мнѣ лишь шнишя,

Печаль и скорбь одна при мнѣ
Сопутница души унылой,
За чпожь? шы рокъ лишилъ меня,
Родной земли съ ея могилой;
За чпожь? прогнѣваль я шебя.»

— «Скажи хопъ шы дремучій лѣсъ,
Жива иль нѣшь моя драгая;
Бышь можешь шамъ, среди деревьевъ
Закрыла гробъ земля сырал,
Бышь можешь кресишь зарось правой,
И надъ ее давно могилой
И поздней упренней порой,
Поешъ малиновка уныло,
Свила гнздо, съ своей семьей
Тамъ счастье пихое вкушаетъ,
И самка милая собой
Самца шамъ дружкой утѣшаетъ;
А я несчастной: ни слезы

Невырною шамь надъ могилою;
И буря въспница грозы,
Споеть и мнѣ здѣсь гимнъ унымой.
Зеленой справки надо мной,
Не выросшеть, и здѣсь въ глуши,
Доска nebudeтъ гробовой:
Какъ смолкнешь все въ ночной тиши,
И волки пруть мой расперзають,
По всюду кости размешають,
И гореть земли моею родной
Ужъ незакроеть мои очи;
И лишь орлы во мракъ ночи
Слепяся съ шумомъ надо мной.»

— «О нѣтъ! пускай въ землю родной
Умру, и волки расперзають
Чѣмъ здѣсь: гдѣ скалы надъ скалою
Разбоевъ тайки укрываютъ.»

— «Въ аулѣ спитъ все мертвыми сномъ,
Вопль скрылся мѣсяцъ въ облака,

Греми! и грохочи! шы громъ;
Рѣви широкая рѣка,
Вы рѣвомъ скройше мой побѣтъ, —
И дайше милой мнѣ ночлегъ
На родинѣ хопя въ сырой
Землѣ, близъ шой могилы
Закрышь гдѣ гробъ подруги милой.»
И вопъ онъ мощною рукойъ,
Хвапаетъ камень въковой,
И цѣпи разомъ раздробляетъ;
И бросился ужъ въ глубину
И разъяренную волпу,
Ногами дружно разбиваетъ.
Вдругъ высирѣлъ. И ключемъ
Пошелъ ко дну, и разъярился
Вдругъ пуще волны, и попомъ
Багряной кровью зацѣнились. —

